

Бывают дни, когда не видишь, что горы всё ещё стоят.
Приходят часы, когда всё ускоряется у линии прилива
вдоль чёрных пляжей.
Моменты, когда каждый — незнакомец.

Херब्ёрг Вассму

Семь минут

В три минуты шестого приходит раскаяние. Меня охватывает паника, пока я задыхаюсь и хватаю ртом воздух. Тело дрожит, меня трясёт, я размахиваю ногами, чтобы освободиться, но это не помогает.

Проходит две минуты, и отчаянные попытки сделать вдох наконец прекращаются. Я понимаю, что кислород мне больше не нужен. Я просто вишу в верёвке и прислушиваюсь к тому, как постепенно, орган за органом, отключается мой организм.

Пять минут, слышен громкий плеск воды о напольную плитку под ногами. Из горла вырывается хриплый вой, а слёзы, смешиваясь с горячим паром, катятся по щекам и попадают в водосток, унося с собой всё то, что от меня осталось. Мне холодно.

А потом появляется она. Прямо передо мной, такая же бледная, как эта комната. Мне хочется смеяться, плясать от радости, увидев её снова. Я пытаюсь открыть рот, чтобы дать ей знать об этом, чтобы рассказать, какое это счастье — чувствовать. Но случается другое: раздаётся треск, и через секунду я лежу на полу. Вода из тюремных душей оmyвает моё лицо, а чёрная стрелка настенных часов завершает ещё один оборот.

Десять минут шестого.

Среда

Глава 1

Ставангер — город мягких собачьих мин. Они будто растут мерзкими грибами из асфальта, окрашивая дорогу всеми оттенками поганого коричневого цвета.

Перешагнув через очередной такой «гриб», я устремляюсь по Педерсгате в центр города. Мой путь лежит в службу занятости населения. Раньше эти службы размещались в офисах открытого типа. Там были цокольные этажи, а окна выходили на Клубгате и на городской пруд. Благодаря такому местоположению прохожие могли беспрепятственно пялиться на безработных неудачников. Те в отчаянии прятались от соседей и знакомых за зарослями искусственных цветов, ширмами и абажурами, в то же время пытаюсь объяснить причины, по которым потеряли работу. С тех пор, как я последний раз был в городе, служба успела сменить название и адрес, так что теперь сцены из жизни городских бездельников можно было наблюдать в более привычных интерьерах.

Я беру талончик электронной очереди и сажусь на красный диван. В комнате нет окон, и кажется, что кислород уже кончился. Мы в своеобразном бункере: в воздухе висит запах пота и грязных носков, от посе-

Хейне Баккейд

тителей исходит терпкий запах тунеядства. Он проникает в ноздри, как только переступаешь порог. Несмотря на толпу, в помещении стоит практически звенящая тишина. Ее нарушают разве что смущенные вздохи и эпизодическое постукивание по клавиатуре.

— Тридцать восьмой!

Из-за двери показывается женщина-соцработник и обводит приемную пристальным взглядом. Как только я подхожу достаточно близко, она спешит пожать мне руку и пропускает в кабинет.

— Меня зовут Ильяна, — произносит она с сильным восточноевропейским акцентом и опускается в офисное кресло. — Прошу вас, присаживайтесь.

— Благодарю, — отвечаю я и тоже сажусь.

У Ильяны пышные тёмные волосы, подобранные сзади заколкой. На ней серое платье с крупными черными пуговицами, как на старых плюшевых игрушках.

— Чем я могу вам помочь?

Я диктую ей дату своего рождения и идентификационный номер. Она вбивает данные в компьютер.

— Торкильд Аске?

— Да, это я.

— А вы уже встали на учет на бирже труда?

— Нет.

Я протягиваю ей письмо от соцработника ставангерской тюрьмы. Ильяна читает его при свете монитора, наклонившись к рабочему столу. Закончив, она расплывается в широкой улыбке. У нее маленькие зубы, неестественно маленькие, будто детские, а глаза такого же серого цвета, как и платье.

Завтра я буду скучать по тебе

— Так-так, Торкильд, — произносит она, сложив руки на коленях, — тюремный соцработник пишет, что вы решили принять участие в программе по социализации бывших заключенных. Это очень хорошо, — она снова улыбается, особенно выделив слово «хорошо».

Я киваю:

— Да-да, я уже посетил социальную службу, мне помогли найти жильё, выдали направления к психиатру и участковому, подсказали контакты нужных учреждений. Они — настоящая группа поддержки! Теперь мне есть с кем обсудить прошлое и с кем планировать будущее, чтобы наконец-то покончить со своими криминальными наклонностями. Раз уж на то пошло, думаю, я на пути к полной реабилитации!

Ильяна не замечает иронии в моих словах и разворачивается к монитору:

— Вы закончили полицейскую академию, — говорит она, прокручивая вниз досье. — Сначала рядовой, затем сержант и, наконец, перешли в прокуратуру, где в итоге стали уполномоченным по надзору за деятельностью полиции...

Она в нерешительности проводит кончиком языка по передним зубам и снова обращает взгляд на меня, уже переменившись в лице.

Я играю на опережение:

— Именно так — полиция, следящая за полицией.

— Понятно. Ну что, тогда попробуем снова устроить вас туда? Как только вы придете в форму, разумеется.

— Лишен звания, — с улыбкой произношу я и вновь ощущаю болевые позывы в щеках и диафрагме. Кроме того, в горле жутко пересохло и стало трудно говорить.

— То есть как?..

Хейне Баккейд

Я открываю бутылку с водой и жадно пью в надежде, что от этого станет легче.

— По приговору суда мне запрещено работать в полиции.

— И сколько продлится этот запрет?

— До самой смерти, — отвечаю я, закручиваю пробку и ставлю бутылку на пол, рядом со стулом. По коже лица пробегает мелкая дрожь, и я чувствую, как скоро она перерастет в дикую пульсирующую боль, — и еще немного после нее.

— И чем вы, в таком случае, собираетесь заниматься?

— Вот я как раз и надеялся, что вы мне с этим можете. — Снова поднимаю бутылку и сжимаю в руках. Головная боль, дурной запах, яркий свет, отсутствие кислорода в воздухе и необходимость сидеть и разговаривать с совершенно незнакомым госслужащим — всё это совершенно выводит меня из себя. Мне срочно нужно остаться одному, в какой-нибудь комнате без отражающих поверхностей. И тем не менее я понимаю, что должен завершить начатое. Ульф утверждает, что другого пути нет.

Ильяна опять изучает письмо, а затем оборачивается к монитору.

— В письме сказано, что вы запрашиваете социальное пособие, пока проходите реабилитацию.

Я киваю:

— Пока не вполне ясно, насколько я работоспособен после случившегося «инцидента», — я рисую в воздухе кавычки. — Тем не менее мы вместе с моими тьюторами, тюремным соцработником, сотрудниками больницы, капелланом, лечащим врачом, психологом

Завтра я буду скучать по тебе

и моим другом психиатром решили, что я во что бы то ни стало постараюсь вернуться к трудовой жизни.

— Инцидент? Я не совсем поняла...

— А разве в письме не сказано? — я указываю пальцем на нужную строку. — «Гражданин Торкильд Аске произвел попытку повешения на трубе общественного душа после нескольких месяцев заключения». Скажу больше, это было в разгар рождественских каникул.

— Как же... — от неожиданности у нее дрожит голос, — и чем всё закончилось?..

— Труба не выдержала.

Ильяна смотрит на меня так, словно в любую секунду я могу на нее напасть, а то и покалечить себя самого, воспользовавшись, например, пластиковым бананом из миски на ее письменном столе.

— Хорошо... — в ее голосе звучит сомнение. Она глубоко вдыхает и откашливается. — А вы не думали получить другую специальность?

— И кем я стану? — я снова сжимаю бутылку, пока из нее не начинает капать вода. Она стекает на пол по моим пальцам. — Мне сорок четыре, и у меня черепно-мозговая травма. Кем я стану, инженером-нефтяником? Биржевым маклером? А может, медбратом-стоматологом?

Украдкой взглянув на часы в правом углу экрана, Ильяна с вернувшейся бодростью духа сообщает:

— Предлагаю дождаться результатов рассмотрения вашей заявки на пособие. Ну а пока мы можем подыскать для вас различные варианты возвращения к трудовой жизни. Не в полиции, разумеется. — Она снова что-то печатает, листает письмо и печатает еще, после чего довольная поворачивается ко мне. — Что вы думаете насчет работы в колл-центре?

Хейне Баккейд

Глава 2

Решаю попробовать заесть боль в щеках и диафрагме и покупаю сэндвич в кафе возле центра занятости. Затем я направляюсь вверх по Хоспиталгата и дальше, через Педерсгата, к дому, в котором получил комнату с помощью тюремной соцслужбы. В моем почтовом ящике лежит каталог мебели и конверт на моё имя. Я знаю, что лежит в конверте. Всё как обычно. Единственное, что меняется, — это возраст детей. Они растут, а их лица никогда не бывают одинаковыми. На самых первых фотографиях, вырезанных из газет и каталогов, были личики младенцев. Поначалу она посылала еще и вырезки детских кроваток, погремушек, бутылочек и молокосборников.

Я забираю конверт и каталог, поднимаюсь к себе и запираюсь в квартире изнутри. Почту я кладу на стол, стоящий между двухместным диваном и пустой теле-тумбой. Иду на кухню и достаю дозатор для таблеток из шкафчика над плитой. Открываю ячейку, высыпаю содержимое срединного контейнера себе в ладонь и запиваю глотком воды из бутылки. После этого включаю кофеварку и сажусь на диван с конвертом в руках.

На этот раз в нем две вырезки. На первой — мальчик семи-восьми лет со слегка выющимися каштановыми волосами. Он одет в яркую футболку, на которой нарисована плавающая у рифов рыба в шляпе и с трубкой. Снизу значится текст: «Одежда для игр и активных забав — джинсы, брюки, футболки, куртки и многое другое. Яркие и ноские наряды каждого ребенка».

На следующей вырезке — девочка того же возраста. На ней розовая куртка с воротником из искусственно-

Завтра я буду скучать по тебе

го меха, тесные брюки и нарядная футболка в тон. «У нас есть джинсы на каждый день! Практичная одежда для активных игр, праздничные наряды и любая повседневная одежда».

Я аккуратно засовываю вырезки обратно в конверт. Перед тем как откинуться на спинку дивана и закрыть глаза, я толкаю конверт вместе с мебельным каталогом на другой край стола.

Раздается телефонный звонок.

— Ну и? — спрашивает грубый мужской голос с типичным бергенским выговором. Тот, кому он принадлежит, жадно, почти с порнографическим наслаждением, затягивается сигаретой. Ульф Сульстад — психиатр и куратор моей только что созданной группы психологической поддержки. — Как прошла встреча?

Я познакомился с Ульфом, когда сидел в ставангерской тюрьме, где тот отбывал восемнадцать месяцев за вымогательство, что, впрочем, едва ли отрицательно сказалось на его клиентской базе. Напротив, среди состоятельных горожан с проблемами он стал еще более востребованным после выхода из тюрьмы.

— Прекрасно, — кисло отвечаю я. — Мне, очевидно, уготована блестящая карьера оператора колл-центра.

— Рассла-а-бься, — Ульф неестественно тянет звук «а», даже для уроженца Бергена, — просто терпи и исполняй все процедуры этой запутанной программы, которую они создали для таких, как ты. В этом и заключается смысл: отсеять тех, кто недостаточно силён. Я обещаю, что как только мы добьёмся для тебя пособия по безработице, там уж ты и в люди выйдешь. А пока — радуйся своей страховке.

— Что?

Хейне Баккейд

— Слушай, — резко отвечает Ульф, пока я кручусь на диване в поисках бутылки с водой, — я польщён, что ты захотел видеть меня куратором своей группы, и обещаю сделать, что могу, чтобы ты зажил той жизнью, какой хочешь жить, Торкильд. — Я слышу, как потрескивает его сигарета.

— Мне нужен оксазепам, — говорю я и животной хваткой вцепляюсь в бутылку с водой. — Скоро он закончится. Кстати, надо поднять дозу оксикодона.

— Боль стала хуже?

— Да, — отвечаю я, — а еще у меня в ногах судороги при ходьбе.

— Может быть, нам лучше посмотреть, что там с дозировкой нейронтин?

— Нет, — я хлопаю себя по щеке и прижимаю указательный палец к поврежденной коже. Лицо опять начинает жечь от боли, — из-за него у меня страшная мигрень. И из-за рисперидона. Я их не переношу.

— Торкильд, ну мы же говорил об этом. Нейротин — это препарат от нервной боли. Тебе, скорее всего, придется принимать его до конца жизни. Рисперидон — это антипсихотик, и он тебе всё еще нужен, в наивысшей степени. С бензодеазепинами всегда так — люди думают, что их нужно принимать больше. Потому что они снижают тревогу, как и оксикодон. Это всегда так, но они вызывают зависимость, и ты это знаешь. Уж если снижать дозу, то начнем с них и постепенно будем смотреть, как ты приводишь себя в порядок, будучи на свободе, хорошо?

— У меня бессонница, — фыркаю я и пяткой толкаю почту на пол с края стола. Я знаю, что он прав, и это меня раздражает.

Завтра я буду скучать по тебе

— Да, бессонница, — спокойно отвечает Ульф, — поэтому я и выписал тебе саротен. — Он тяжело откашливается и продолжает: — Ты ведь принимаешь их все, да?

— В смысле?

— Таблетки. Ты их пьешь?

— Конечно.

— А рисперидон?

— Да.

— Ты же понимаешь, что он тебе нужен?

— Да, понимаю, — бубню я в ответ.

— Прекращай! — обрывает меня Ульф. — Я не твой чертов тюремный священник с сутулой спиной, который пытается выбить тебе квоту на небесах. — У него снова одышка. Я нарушил его ритуал курения, и теперь ему придется зажечь новую сигарету, как только докурит эту до фильтра.

— Он сказал, что я — пчела без цветов.

— Кто сказал?

— Священник.

— Ты шутишь?

— Нет.

Ульф зажигает новую сигарету и тяжело вздыхает в трубку.

— Расскажи, что там было. Сделай мне приятное.

Решаю доставить Ульфу удовольствие, пока он курит, и рассказываю:

— Я пчела, живущая в мире без цветов, и моя задача — верно распорядиться своим временем, пока не пришла зима.

— Зима? — он выпускает дым и начинает дышать так, словно выполняет дыхательные упражнения. В каждом его вдохе и выдохе я слышу благодарность.

Хейне Баккейд

— Зима, которая рано или поздно накроет наши жизни, — я продолжаю рассказ и чувствую, как расслабляются мои мускулы. Я откидываюсь на спинку дивана, и облакачиваюсь на подушки. Эффект от хороших таблеток растворяет боль, и она проходит.

— Да ты издеваешься надо мной, я же вижу. Просто скажи, что ты шутишь. Торкильд?

— Нет, я не шучу. Так волны бьются о скалы: шшш... уууух. Шшш... уууух.

— Худшее из того, что я слышал: шшш... ууух. Возьму на вооружение.

— На здоровье! Послушай... — я уже хотел было продолжить, но Ульф меня прерывает: — Кое-кто хочет с тобой поговорить. Вы знакомы. В прошлом.

Он мнетя в нерешительности, как будто еще не уверен, стоит ли мне рассказывать об этом, не получив согласия от остальных участников этой ситуации.

— О ком ты?

— Дядя той самой Фрей, — наконец отвечает Ульф и добавляет: — И его бывшая жена, Анникен Моритцен.

— Дядя Фрей? Арне Вильмюр? — беспокойство во мне растет. Во рту сразу же пересохло, и свет, просачивающийся сквозь флисовый плед, растянутый на окне, вдруг начал слепить глаза. — А в чём дело?

— Фрей тут ни при чем, — напряженно отвечает Ульф, будто бы не полностью уверенный, что всё делает правильно. — Арне и его бывшая жена, у них есть общий сын...

— Арне гей, — упрямо парирую я. Мне не нравится то, к чему клонится наш разговор, а беспокойство и желание расстелить постель, выключить свет и закрыться от звуков с улицы только растёт.

Завтра я буду скучать по тебе

— Так или иначе, — спокойно отвечает Ульф, лишая меня оправдания для отхода ко сну, — у него есть и бывшая жена, и сын.

— А я тут при чём? — я жмурюсь и отворачиваюсь от флисового пледа, и от света, который через него падает.

— Ты просто дай мне закончить, — шепчет Ульф и тяжело выдыхает, — так вот: Анникен Моритцен — одна из моих пациенток. Ей нужно... — он опять медлит и глубоко вдыхает перед тем, как продолжить. — Им нужна помощь. Их сын пропал.

— Я вам не частный детектив.

— Нет, боже упаси, — будто подавившись, отвечает Ульф, — но Анникен моя подруга, и я готов на многое, чтобы помочь ей в этой ситуации. И потом, у вас с Арне общее прошлое, от этого никуда не уйти, и сейчас он просит о разговоре с тобой. Думаю, уж это ты можешь сделать.

Кожа на моем лице пульсирует, а вместе с ней белки глаз и мозговая кора.

— Прошу тебя, — я стону сквозь стиснутые зубы, — не сегодня. Не сейчас.

— Поговори с ними. Послушай, что они скажут.

— Я не хочу.

Ульф опять вздыхает:

— Ты сам вытащил свой жребий, Торкильд, ты опустился на дно и снова поднимался. Ты изменился, — он снова глотает воздух и тушит сигарету. Недокуренную, сломанную. — Не позволяй своей комнатке стать новой тюремной камерой. Тебе нужно выйти наружу, начать общаться с людьми и понять, кем ты хочешь стать в этой новой жизни вне тюремных стен.